

ХРАМ УСПЕНИЯ ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ СЕЛА ПЕЛАГИАДА

МИХАЙЛОВСКОЕ БЛАГОЧИННИЕ СТАВРОПОЛЬСКОЙ ЕПАРХИИ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ

ПРИХОДСКОЙ ЛИСТОК

ВЫПУСК № 43 январь 2023 ГОДА

По благословению настоятеля храма священника

Владимира РАДКЕВИЧА

В ЭТОМ ВЫПУСКЕ:

- *РОЖДЕСТВО ХРИСТОВО*
- *РОЖДЕСТВЕНСКОЕ ПОСЛАНИЕ ПАТРИАРХА КИРИЛЛА*
- *РОЖДЕСТВО В НАШЕЙ СКОРБНОЙ ЖИЗНИ*
- *СВЯТОЕ БОГОЯВЛЕНИЕ*

7 ЯНВАРЯ – ЦЕРКОВЬ ПРАЗДНУЕТ РОЖДЕСТВО ХРИСТОВО

7 ЯНВАРЯ ПРАВОСЛАВНЫЕ, КОТОРЫЕ ЖИВУТ ПО ЮЛИАНСКОМУ КАЛЕНДАРЮ, ПРАЗДНУЮТ РОЖДЕСТВО

ГОСПОДА НАШЕГО ИИСУСА ХРИСТА ОТ ДЕВЫ МАРИИ.

ХРИСТОС РАЖДАЕТСЯ, СЛАВИТЕ: ХРИСТОС С НЕБЕС, СРЯЩИТЕ: ХРИСТОС НА ЗЕМЛИ, ВОЗНОСИТЕСЯ. ПОЙТЕ

ГОСПОДЕВИ, ВСЯ ЗЕМЛЯ, И ВЕСЕЛИЕМ ВОСПОЙТЕ, ЛЮДИЕ, ЯКО ПРОСЛАВИСЯ!

Господь наш Иисус Христос, Спаситель мира, родился от Пресвятой Девы Марии в царствование императора Августа (Октавия) в городе Вифлееме. Август повелел сделать всенародную перепись во всей своей империи, к которой относилась тогда и Палестина. У евреев был обычай вести народные переписи по коленам, племенам и родам, всякое колено и род имели свои определенные города и праотеческие места, потому Преподобная Дева и праведный Иосиф, как происходившие от рода Давидова, должны были идти в Вифлеем (город Давида), чтобы внести и свои имена в список подданных кесаря. В Вифлееме они не нашли уже ни одного свободного места в городских гостиницах. В известняковой пещере, предназначенной для стойла, среди сена и соломы, разбросанных для корма и подстилки скоту, далеко от постоянного местожительства, среди чужих людей, в холодную зимнюю ночь, в обстановке, лишенной не только земного величия, но даже обыкновенного удобства – родился Богочеловек, Спаситель мира. «Таинство странное вижу и преславное, – с удивлением воспевают Святая Церковь, – Небо – вертеп; Престол Херувимский – Деву; ясли – вместилище, в них же возлежит невместимый Христос Бог» (ирмос 9-й песни канона). Безболезненно родившая Богомладенца Пресвятая Дева, Сама, без посторонней помощи, «повит Его и положи в яслех» (Лк. 2).

Но среди полнотной тишины, когда всё человечество объято было глубочайшим греховным сном, весть о Рождестве Спасителя мира услышали пастухи, бывшие на ночной страже у своего стада. Им предстал Ангел Господень и сказал: «Не бойтесь: се бо благовествую вам радость велию, яже будет всем людям, яко родися вам днесь Спаситель, Иже есть Христос Господь, во граде Давидове», и смиренные пастыри первые удостоились поклониться ради спасения людей Снисшедшему до «рабья зрака». Кроме ангельского благовестия вифлеемским пастырям, Рождество Христово чудесною звездою возведено было волхвам «звездословцам», и в лице восточных мудрецов весь языческий мир, незримо для него самого – преклонил свои колена пред истинным Спасителем мира, Богочеловеком. Войдя в храмину, где был Младенец, волхвы – «падше поклонишася Ему, и отверзше сокровища своя, принесоша Ему дары: злато и ливан и смирну» (Мф. 2, 11).

В воспоминание Рождества во плоти Господа нашего Иисуса Христа установлен Церковью праздник. Начало его относится ко временам Апостолов. В Апостольских Постановлениях говорится: «Храните, братия, дни праздничные, и во-первых день Рождества Христова, которое да празднуется вами в 25 день десятого месяца» (от марта). Там же, в другом месте сказано: «День Рождества Христова да празднуют, в оньже нечаемая благодать дана человекам рождением Божия Слова из Марии Девы на спасение миру». Во II столетии на день Рождества Христова 25 декабря указывает святитель Климент Александрийский. В III веке о празднике Рождества Христова, как о бывшем прежде, упоминает святой Ипполит Римский, назначая чтение Евангелия в этот день из 1 главы от Матфея. Известно, что во время гонения христиан Максимианом, в 302 году, никоидийские христиане в самый праздник Рождества Христова сожжены были в храме в числе 20000. В том же веке, когда Церковь после гонения получила свободу вероисповедания и сделалась господствующей в Римской империи, праздник Рождества Христова находим во всей Вселенской Церкви, как можно видеть это из поучений святого Ефрема Сирина, святителей Василия Великого, Григория Богослова, святителя Григория Нисского, святителей Амвросия, Иоанна Златоуста и

других отцов Церкви IV века на праздник Рождества Христова. Святитель Иоанн Златоуст в слове своем, которое он говорил в 385 году, называет праздник Рождества Христова древним и очень древним. В том же веке на месте пещеры Вифлеемской, прославленной рождением Иисуса Христа, равноапостольная царица Елена соорудила храм, о великолепии которого много старался державный ее сын. В кодексе Феодосия, изданном в 438 году, и Юстиниана – в 535, излагается закон о всеобщем праздновании дня Рождества Христова. В этом смысле, вероятно, Никифор Каллист, писатель XIV века, в своей истории говорит, что император Юстиниан в VI веке установил праздновать Рождество Христова по всей земле. В V веке Анатолий, патриарх Константинопольский, в VII – Софроний и Андрей Иерусалимские, в VIII – святые Иоанн Дамаскин, Косма Майумский и Герман, Патриарх Цареградский, в IX – преподобная Кассия и другие, которых имена неизвестны, написали для праздника Рождества Христова многие священные песнопения, употребляемые ныне Церковью для прославления светло празднуемого события.

Впрочем, в первые три века, когда гонения стесняли свободу христианского Богослужения, в некоторых местах Востока – Церквах Иерусалимской, Антиохийской, Александрийской и Кипрской – праздник Рождества Христова соединялся с праздником Крещения 6 января, под общим именем Богоявления. Причиной этого, вероятно, было мнение, что Христос крестился в день Своего рождения, как можно заключать об этом из слов святителя Иоанна Златоуста, который в одной из бесед своих в Рождество Христова говорит: «не тот день, в который родился Христос, называется Богоявлением, но тот, в который Он крестился». К такому мнению могли подать повод слова евангелиста Луки, который, говоря о крещении Иисуса Христа, свидетельствует, что тогда «бе Иисус лет яко тридесать» (Лк. 3, 23). Празднование Рождества Христова вместе с Богоявлением в некоторых Церквах восточных продолжалось до конца IV века, в иных – до V или даже до VI века. Памятником древнего соединения праздников Рождества Христова и Богоявления доныне в Православной Церкви служит совершенное сходство в отправлении этих праздников. Тому и другому предшествует сочельник, с одинаковым народным преданием, что в сочельники должно поститься до звезды. Чин Богослужения в навечерия обоих праздников и в самые праздники совершенно одинаков.

День Рождества Христова издревле причислен Церковью к великим двенадцатым праздникам, согласно с Божественным свидетельством Евангелия, изображающего празднуемое событие величайшим, всерадостнейшим и чудесным. «Се благовестую вам, – сказал Ангел вифлеемским пастырям, – радость велию, яже будет всем людям. Яко родися вам Спас, Иже есть Христос Господь, во граде Давидове. И се вам знамение: обрящете Младенца повита, лежаща в яслех. Тогда же внезапно бысть со Ангелом множество вой небесных, хвалящих Бога и глаголющих: слава в вышних Богу, и на земли мир, в человецех благоволение. Все слышавший дивишася о глаголаных от пастырей о рождемся Спасителе, и сами пастыри возвратишася, славяще и хваляще Бога о всех, яже слышаша и видеша» (Лк. 2, 10 – 20). Так Рождество Христова, как событие высочайшее и чрезвычайное, сопровождалось дивной вестью пастырям и волхвам о всемирной радости для всех людей, «яко родися Спас», Ангельским славословием родившемуся Спасу, поклонением Ему пастырей и волхвов, благоговейным удивлением многих, слышавших слова пастырей о родившемся Отрочати, славою и хвалою Его от пастырей. Согласно с Божественным свидетельством Евангелия, отцы Церкви в своих Богомудрых писаниях изображают праздник Рождества Христова величайшим, всемирным и радостнейшим, который служит началом и основанием для прочих праздников.

Тропарь праздника, глас 4:

Рождество Твое, Христэ Бóже наш,/ возсия́ мiрови свет рáзума,/ в нем бо звезда́м служа́щи/ звездо́у уча́хуся/ Тебе́ клáняются, Со́лнцу Пра́вды,/ и Тебе́ ве́дети с высоты́ Восто́ка.// Го́споди, сла́ва Тебе́!

Кондак праздника, глас 3:

Де́ва днесь Пресу́щественнаго ражда́ет,/ и земля́ верте́п Непристу́пному прино́сит,/ А́нгели с па́стырьми славосло́вят,/ волсви́ же со звездо́у путешество́уют,/ нас бо ра́ди роди́ся// Отроча́ Младо́, Преве́чный Бог.

РОЖДЕСТВЕНСКОЕ ПОСЛАНИЕ ПАТРИАРХА КИРИЛЛА

Рождественское послание Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла архипастырям, пастырям, диаконам, монашествующим и всем верным чадам Русской Православной Церкви.

Возлюбленные о Господе архипастыри, всечестные пресвитеры и диаконы, боголюбивые иноки и инокини, дорогие братья и сестры!

Ныне, когда Церковь Небесная и земная в соборном единстве прославляет Бога Воплотившегося, сердечно поздравляю всех вас с великим и светозарным праздником Рождества Господа и Спасителя нашего Иисуса Христа.

Сегодня мы вновь обращаем наши мысленные взоры к событиям, произошедшим более двух тысяч лет назад в Вифлееме. Мы взираем на кроткого Младенца, лежащего в яслях в окружении Пречистой Матери, праведного Иосифа и пастухов, которым первым была сообщена весть о пришествии на землю Спасителя, и вторым Бесплотным Силам, прославляющим Вышнего Творца, чрез Единородного Сына Своего даровавшего мир и благоволение людям.

Святитель Григорий Богослов, раскрывая суть сего праздника, свидетельствовал: торжество наше — о пришествии Бога к человеку, чтобы нам возвратиться к Богу (Слово 38). Ныне воистину приблизилось к нам Царствие Небесное (Мф. 3:2): во исполнение древних пророчеств пришел на землю долгожданный Примиритель (Быт. 49:10), Младенец родился нам — Сын дан нам; и имя Ему: Бог крепкий, Отец вечности, Князь мира (Ис. 9:6).

«Мир Мой даю вам; не так, как мир дает, Я даю вам» (Ин. 14:27), — обращается к нам Христос. Что же это за мир, который подарил человеку Господь и который воспели ангелы в момент рождения Спасителя? Разве стало с тех пор на земле меньше вражды или конфликтов? Мы отовсюду слышим «мир, мир!», а мира все нет, по слову пророка (Иер. 8:11). Но истинный мир Божий, который снизошел на землю с Рождеством Христовым, превыше всякого ума (Фил. 4:7). Он не зависит от внешних обстоятельств и неподвластен скорбям и лишениям временной жизни. Этот необоримый внутренний мир заключен в Самом Боге, Который, став человеком, во всем подобным нам, кроме греха, уже не просто действует в нашей истории, но зримо в ней присутствует. Ныне Слово стало плотью и обитает с нами, полное благодати и истины (Ин. 1:14). Господь близко, мои дорогие, — не будем никогда забывать об этом и не будем унывать! В Нем — наша сила, наша крепкая надежда и духовное утешение во всех обстоятельствах жизни.

Преклоняясь пред смиренным величием чуда Боговоплощения и прославляя пришедшего в мир Спасителя, мы не можем вместе с тем не тревожиться о происходящих сегодня военных событиях, омрачающих святое рождественское торжество, ибо, как отмечает апостол, страдает ли один член, страдают с ним все члены (1 Кор. 12:26). В этих испытаниях, постигших народы исторической Руси, нам особенно важно делом подтверждать верность своему христианскому призванию и являть друг ко другу любовь. Нам порою кажется, что добро слабо и беззащитно, а от нашего небольшого усилия мало что зависит. Однако это не так.

Существует непреложный духовный принцип: любовь умножается, когда мы отдаем себя другим, когда жертвуем ближнему свое время, помогаем материальными средствами или просто дарим ему свое внимание. Тогда мы не только преобразуем мир вокруг, но и обретаем нечто очень ценное внутри себя. В этом несложном, но действенном духовном законе заключается секрет подлинного мира и настоящего счастья, к которому так стремится каждый человек. Это счастье — не за тридевять земель, как полагают некоторые люди, гоняющиеся за призрачными иллюзиями материальных благ и беспечальной

жизни. Настоящее счастье в том, чтобы разделять любовь и радость с окружающими и добрыми делами прославлять Бога, Который воплотился для того, чтобы мы имели жизнь и имели с избытком (Ин. 10:10). Когда мы впускаем в сердце Христа и позволяем Ему действовать в нас, в наших душах воцаряются благословенный мир и покой (Мф. 11:29), а мы становимся причастниками Царствия Божия, которое внутри нас есть (Лк. 17:21).

Мы хотим обнять Родившегося Господа? Тогда обнимем скорбящего и утешим страждущего. Мы желаем прикоснуться ко Христу и, подобно восточным мудрецам, принести приятные Богомладенцу дары? Тогда подарим нашу любовь и заботу близким, окажем нуждающемуся посильную милость и поддержим унывающего. «Как вы сделали это одному из сих братьев Моих меньших, то сделали Мне» (Мф. 25:40), — свидетельствует Спаситель.

«Рождественская ночь доставляет мир и тишину Вселенной!» — восклицает преподобный Ефрем Сирийский и с дерзновением продолжает: «Эта ночь принадлежит Кроткому, поэтому пусть каждый отложит ярость и суровость. Ныне воссиял день милости, да не преследует же никто мщением нанесенной ему обиды. Настал день радости, да не будет же никто виною печали и скорби для другого» (Песнопения на Рождество Христово, I).

Прислушаемся к этим удивительным словам «сирийского пророка пустыни» и распахнем сердца воплотившемуся ради нас Господу. Возрадуемся, ибо Сам Царь и Владыка Вселенной кротко пришел на землю, чтобы даровать нам спасение и жизнь вечную. Мы же, с благодарностью отвечая на великую любовь Творца к людям, освятим наши души терпеливым перенесением испытаний, теплою молитвою и добрыми делами во славу Божию.

Еще раз поздравляя всех вас, мои дорогие, со светлым праздником Рождества Христова, желаю неоскудевающей радости и благополучия вашим домам и семьям, крепости сил и щедрой помощи от Богомладенца Иисуса. Человеколюбивый Создатель, Истинный Господь истории, да приклонит Свою милость к народам Святой Руси и благословит всех нас миром, дабы мы едиными устами и единым сердцем прославляли Воплотившегося Спасителя и убедительно свидетельствовали, яко с нами Бог!

+КИРИЛЛ, ПАТРИАРХ МОСКОВСКИЙ И ВСЕЯ РУСИ

Рождество Христово

2022/2023 г.

Москва

РОЖДЕСТВО в НАШЕЙ СКОРБНОЙ ЖИЗНИ

Протоиерей Георгий Митрофанов

Образ Божественного младенца, явившегося в этот мир, чтобы спасти его, кажется для нас залогом и нашего спасения. И это правда по существу. Но нередко бывает так, что форма праздника, его даже подчас иконографический образ, и особенно те многочисленные ассоциации, которые сопровождают именно этот праздник Рождества Христова, побуждают нас забыть о самой сути этого праздника, которая заключается в нашем спасении, но спасении, которому суждено было осуществляться всей будущей жизнью этого Божественного младенца, жизнью, которая уже тогда, в момент Рождества Христова стала осуществляться как служение, но служение именно крестное. Мир, в который для искупления его грехов пришел Спаситель, не хотел принять в свое лоно Христа. И Евангельское чтение, которое прозвучало на Утрени праздника Рождества Христова, неожиданно указало нам на эту весьма драматичную предысторию прихода в мир Спасителя. Ведь, действительно, олицетворявший всей своей жизнью праведность ветхозаветной Церкви Иосиф Обручник в какой-то момент оказался перед страшным искушением: искушал его дьявол; искушал его, может быть, самым страшным искушением: он его искушал его же собственной праведностью.

Приняв в жены воспитанную при храме девушку, еще практически отроковицу, праведный Иосиф узнал, что она беременна, то есть узнал то, что по законам ветхозаветной Церкви должно было побудить его отринуть свою юную жену как блудницу, отдать ее первосвященникам, законным учителям, которые изрекли бы над ней свой приговор: ее должны были побить камнями. И зачинателем этого предписанного законом акта праведного наказания должен был выступить праведный Иосиф во исполнение правды всей ветхозаветной Церкви.

Здесь перед нами одна из первых коллизий между Ветхим и Новым Заветом. Наверно, праведный Иосиф не мог в полной мере вместить в себя то, что могла сказать ему Богородица о том, что Младенец во чреве ее — не плод блуда, а чудесно данный ей по благодати Святого Духа Спаситель, Мессия. Вряд ли мог поверить даже праведный Иосиф в истину этих слов, вот почему понадобилось новое откровение: откровение во сне, когда Ангел явился к Иосифу и сказал ему о том, что его юная жена, действительно, носит у себя во чреве чудесного Ребенка, Мессию. Мы можем задаться вопросом: а как бы было хорошо, чтобы нам хотя бы в Рождественскую ночь было дано какое-то подобное откровение, чтобы все терзающее нас, искушающее нас ушло, и Ангел возвестил бы нам некую высшую правду. Но редко с кем даже в Рождественскую ночь происходят подобного рода чудеса, потому что редко кто, подобно праведному Иосифу, еще до прихода в мир Христа становится христианином, а он стал таковым христианином, ибо Евангелие указывает нам на то, что еще до того, как ему явился Ангел, великий ветхозаветный праведник решил нарушить Ветхий Завет во имя Завета Нового, нарушить закон во имя любви. И он готов был отпустить эту, согрешившую по всем ветхозаветным канонам девушку. И именно тогда, когда он, еще не зная Христа, поступил как христианин и превозмог любовью требования закона, ему было дано откровение. Откровение является результатом подвига веры. И Иосиф остался со своей юной женой, которой так никогда и не суждено было стать его земной супругой, ибо ее миссия в этом мире заключалась в неизмеримо большем.

И далее происходит великое чудо. Дьявол, казалось бы, очень изощренно продумал свое самое страшное искушение: искусив Иосифа его праведностью, он рассчитывал на то, что во имя праведного закона ветхозаветной Церкви люди, которые ждали Мессию веками, не дадут Ему прийти в этот мир. И как страшна и одновременно кощунственна была бы картина побивания камнями Пресвятой Богородицы за грех блуда. Но благодаря праведному Иосифу, это страшное дьявольское искушение было преодолено.

Однако мир ведь все равно не хотел принимать Спасителя, поэтому и места Ему не нашлось нигде, даже в гостинице, и Пресвятая Богородица родила Его в пещере. Увы, ставший своеобразной пасторалью Рождественский праздник показывает нам эту пещеру как некую идиллию: среди зверюшек рождается младенец. А ведь это было страшно: пещера, которая была хлевом, стала местом прихода в мир Спасителя. Ничего лучшего, кроме хлева мир не приготовил для Него. И не так уж идилличны были эти пастухи, пришедшие поклониться Ему, ибо только они тогда отозвались на данное всему человечеству свыше откровение. Ни учителя народа, ни царь Ирод, ни все те, кто гордился своей принадлежностью к Богоизбранному народу, несшему многие века в этот мир истину Божественного откровения, не они удостоились этой великой благой вести, вернее — удостоились все, но вместить ее могли очень немногие.

И вот уже Литургическое Евангельское чтение праздника Рождества Христова указывает нам на новые опасности, которые подстерегали Святое семейство: Пресвятую Богородицу, Иосифа Обручника и Младенца. Несмотря на то, что вся полуязыческая мудрость в лице Волхов отозвалась на приход в мир Спасителя царь Ирод, царь того народа, который прежде всех других народов должен был признать Младенца Мессией, готов искать Его, чтобы уничтожить. И еще будет это избиение Вифлеемских младенцев, и будет бегство Иосифа в Египет.

«В чем же праздник Рождества Христова?» — можно задаться вполне естественным вопросом в эту Рождественскую ночь. Да прежде всего в том, что, несмотря на то, что весь мир и весь ад ополчились тогда на этого беззащитного Младенца, Он победил мир и превзошел ад. И дело было не только в том, что в пещере явился на свет Божественный Младенец, а дело было еще и в том, что рядом с Ним были те люди, от жен рожденные, — Пресвятая Богородица и Иосиф Обручник, которым достало веры, достало силы духа превзойти все искушения этого мира и преисподней. Именно им двоим в тот момент довелось не только пережить великое счастье Рождества Христова, но и великое испытание, когда в их руки — руки человеческие — была вверена судьба мира; судьба нашего спасения; судьба Божественного Младенца.

Справедливо праздник Рождества Христова считается праздником семейным, символизирующим собой величие семьи как малой Церкви. И мы, здесь стоящие, хорошо знаем, как трудно созидать эту семью в мире, в котором для большинства людей Христос не существует, ни как Бог, ни как Спаситель. И вместе с тем, только в семье как в малой Церкви может по существу, родиться тот, пусть даже и не Богочеловек, но просто человек, который сможет осуществить спасительную миссию, по крайней мере, для себя самого, если это не Богочеловек, а простой человек.

И сегодня, когда, может быть, пройдет радость этого Праздника, радость этой службы и уже наступят будни, будни, в которых праздник церковный очень легко становится праздником мирским, бессмысленным и суетным, постараемся вспомнить все-таки о самом главном. История Рождества Христова заповедует нам помнить как непреложный закон бытия: великая радость рождения в мир Христа сопровождалась большим испытанием веры тех, кто связал себя со Христом уже тогда. Бог приходит в мир в качестве хрупкого, казалось бы, беззащитного Младенца тогда, когда человек является, по сути дела, совершителем прихода в мир Спасителя, как это стало с Пресвятой Богородицей. Спасение в этот мир приходит от Бога, но Бог настолько верит человеку, что вверяет Себя в его руки, самых разных людей и, в частности, так, как Он вверил Себя в руки человека тогда, когда пришел в этот ненавидящий Его мир беззащитным Младенцем.

Кто тогда спасал мир: Богочеловек или люди, которые приняли в свое лоно Спасителя — трудно сказать. И праздник Рождества Христова напоминает нам об одной из величайших тайн христианства: сначала люди спасли в этом мире Бога, а потом Бог спас этот мир. И вот в этом замечательном соработничестве Бога и человека заключается смысл спасения. Пусть же сегодняшний праздник побудит нас быть соработниками Бога, и пусть память о Младенце-Христе сделает нас в отношении Христа хоть немножко похожими на столь samozабвенно преданных Ему Его земных родителей. И тогда радость Рождества Христова, радость тех, кто радовался с Ним: и пастухов, и волхвов, и, конечно, Святого Семейства, — станет подлинной нашей радостью.

СВЯТОЕ БОГОЯВЛЕНИЕ

БЕСЕДА НА ДЕНЬ КРЕЩЕНИЯ ХРИСТОВА СЯТИТЕЛЯ ИОАННА ЗЛАТОУСТОГО, АРХИЕПИСКОПА КОНСТАНТИНОПОЛЬСКОГО

Скажем ныне нечто о настоящем празднике. Многие празднуют праздники и названия им знают, но повода, по которому они установлены, не знают. Так, о том, что настоящий праздник называется Богоявлением, все знают, а какое это — Богоявление, и одно ли оно или два, этого не знают. А это постыдно — каждый год праздновать праздник и не знать его повода.

Поэтому прежде всего необходимо сказать, что не одно Богоявление, но два: одно настоящее, которое уже произошло, а другое будущее, которое произойдет со славой при кончине мира. О том и другом вы слышали сегодня от Павла, который, беседуя с Титом, говорит так о настоящем: «Явись благодать Божия, спасительная всем человеком, наказующи нас, да отвергшеся нечестия и мирских похотей, целомудренно и праведно и благочестно поживем в нынешнем веце», — а о будущем: «ждуще блаженнаго упования и явления славы великаго Бога и Спаса нашего Иисуса Христа» (Тит. 2, 11–13). И пророк об этом последнем сказал так: «солнце обратится во тьму, и луна в кровь, прежде нежели приити Дню Господню великому и просвещенному» (Иоил. 2, 31). Почему же Богоявлением называется не тот день, в который Господь родился, а тот, в который Он крестился? Настоящий день есть тот самый, в который Он крестился и освятил естество вод. Поэтому в этот праздник все, почерпнув воды, приносят ее домой и хранят во весь год, так как сегодня освящены воды; и происходит явное знамение: эта вода в существе своем не портится с течением времени, но, почерпнутая сегодня, она целый год, а часто два, и три года, остается неповрежденною и свежую, и после долгого времени не уступает водам, только что почерпнутым из источников. Почему же этот день называется Богоявлением? Потому, что Христос сделался известным для всех не тогда, когда Он родился, но когда крестился; до этого дня Он не был известен народу. А что народ не знал Его и не разумел, Кто Он, об этом послушай Иоанна Крестителя, который говорит: «посреде вас стоит, Его же вы не весте» (Ин. 1, 26). И удивительно ли, что другие не знали Его, когда и сам Креститель не знал Его до того дня? «И аз, — говорит он, — не ведех Его: но Пославый мя крестити водою, Той мне рече: над Него же узриши Духа сходяща и пребывающа на Нем, Той есть крестяй Духом Святым» (Ин. 1, 33). Итак, отсюда видно, что — два Богоявления, а почему Христос приходит на крещение и на какое крещение Он приходит, об этом необходимо сказать: ибо и это необходимо знать, равно как и то. И наперед надобно сказать вашей любви о последнем: ибо из этого мы узнаем и первое. Было крещение иудейское, которое очищало телесные нечистоты, но не грехи совести. Так, кто совершал прелюбодеяние, или кто решался на воровство, или кто сделал какое-нибудь другое преступление, того оно не освобождало от вины. Но кто касался костей умершего, кто вкушал пищу, запрещенную законом, кто приходил от зараженного, кто общался с прокаженными, тот омывался, и до вечера был нечист, а потом очищался. «Да омыет тело свое водою чистою, — говорится в Писании, — и нечист будет до вечера, и чист будет» (Лев. 15, 5; 22, 4). Это не были поистине грехи или нечистоты, но так как иудеи были несовершенны, то Бог, делая их через это более благочестивыми, с самого начала приготавливал их к точнейшему соблюдению важнейшего.

Итак, иудейское омовение освобождало не от грехов, а только от телесных нечистот. Не таково наше: оно гораздо выше и исполнено великой благодати, ибо оно освобождает от грехов, очищает душу и подает дар Духа. И крещение Иоанново было гораздо выше иудейского, но ниже нашего: оно было как бы мостом между обоими крещениями, ведущими через себя от первого к последнему. Ибо Иоанн руководил не к соблюдению телесных очищений, но вместо них увещевал и советовал переходить от порока к добродетели и полагать надежду спасения в совершении добрых дел, а не в разных омовениях и очищениях водой. Иоанн не говорил: вымой одежду твою, омой тело твое, и будешь чист, но что? – «сотворите плод достоин покаяния» (Мф. 3, 8). Поэтому оно было выше иудейского, но ниже нашего: крещение Иоанново не сообщало Духа Святого и не доставляло благодатного прощения: оно заповедовало каяться, но не было властно отпускать грехи. Поэтому Иоанн и говорил: «аз крещаю вы водою... Той же вы крестит Духом Святым и огнем» (Мф. 3, 11). Очевидно, что он не крестил Духом. Что же значит: «Духом Святым и огнем?» Вспомни тот день, в который Апостолам «явишася разделени языцы яко огненнии, и седе на едином коемждо их» (Деян. 2, 3). А что крещение Иоанново не сообщало Духа и отпущения грехов, видно из следующего: Павел, «обрет некия ученики, рече к ним: аще убо Дух Свят прияли есте веровавше? Они же реша к нему: но ниже, аще Дух Святой есть, слышахом. Рече же к ним: во что убо креститесь? Они же рекоша: во Иоанново крещение. Рече же Павел: Иоанн убо крести крещением покаяния», – покаяния, но не отпущения грехов; для чего же он крестил? «Людем глаголя; да во Грядущаго по нем веруют, сиречь в Христа Иисуса. Слышавше же креститася во Имя Господа Иисуса: и возложшу Павлу на ня руне, прииде Дух Святой на ня» (Деян. 19, 1–6). Видишь ли, как несовершенно было крещение Иоанново? Ибо, если бы оно не было несовершенно, то Павел не крестил бы их снова, не возлагал бы на них рук; исполнив же то и другое, он показал превосходство апостольского Крещения и то, что крещение Иоанново гораздо ниже его. Итак, из этого мы узнали различие крещений; теперь необходимо сказать, для чего Христос крестился и каким крещением? Ни прежним – иудейским, ни последующим – нашим; ибо Он не имел нужды в отпущении грехов; как это возможно для Того, Кто не имел никакого греха? «Греха, – говорится в Писании, – Он не сотвори, ни обретеса леств во устех Его» (1 Пет. 2, 22); и еще: «кто от вас обличает Мя о гресе?» (Ин. 8, 46). И Духу не была не причастна плоть Его; как это могло быть, когда она в начале была произведена Духом Святым? Итак, если и плоть Его не была не причастна Духу Святому, и Он не был подвержен грехам, то для чего Он крестился? Но прежде нам нужно узнать, каким крещением крестился Он, тогда и то будет ясным для нас. Каким же крещением Он крестился? – Не иудейским, и не нашим, но Иоанновым. Для чего? Для того, чтобы ты из самого свойства крещения познал, что Он крестился не по причине греха и не имея нужды в даре Духа; ибо, как мы показали, это крещение было чуждо того и другого. Отсюда видно, что Он приходил на Иордан не для отпущения грехов и не для получения дара Духа. Но чтобы кто-нибудь из присутствовавших тогда не подумал, что Он приходил для покаяния, подобно прочим, послушай, как Иоанн предупредил и это. Тогда как другим он говорил: «Сотворите плод достоин покаяния», послушай, что он говорит Ему: «Аз требую Тобою креститися, и Ты ли грядеши ко мне» (Мф. 3, 8, 14)? Этими словами он показал, что Христос приходил к нему не по той же нужде, по которой приходил народ, и что Он столько далек был от нужды креститься по той же причине, сколько был выше и несравненно чище самого Крестителя. Для чего же Он крестился, если сделал это ни для покаяния, ни для отпущения грехов, ни для получения дара Духа? По другим двум причинам, из которых об одной говорит ученик, а о другой Он Сам сказал Иоанну. Какую же причину этого крещения высказал Иоанн? Ту, чтобы Христос стал известным народу, как и Павел говорил: «Иоанн убо крести крещением покаяния, да во Грядущаго по нем веруют» (Деян. 19, 4); это было следствием крещения. Если бы Иоанн подходил к дому каждого и, становясь у дверей, вызывал на улицу и, держа Христа, говорил: «Он есть Сын Божий», то такое свидетельство было бы подозрительно, и это дело было бы весьма затруднительно; также, если бы он, взяв Христа, вошел в синагогу и показал Его, то и это опять сделало бы свидетельство его подозрительным; но когда весь народ стекался из всех городов к Иордану и оставался на берегах реки, когда и Сам Он пришел креститься и получил свидетельство свыше гласом Отца и наитием Духа в виде голубя, то свидетельство о Нем Иоанна сделалось несомненным. Поэтому он и говорит: «и аз не видех Его», представляя свидетельство свое достоверным (Ин. 1, 31). Они были по плоти родственниками между собою: «се Елизавет, южика твоя, и та зачат сына», говорил Ангел Марии о матери Иоанна (Лк. 1, 36); если же матери были в родстве, то, очевидно, – и дети. Поэтому, так как они были родственниками, то, чтобы не показалось, будто Иоанн свидетельствует о Христе по родству, благодать Духа устроила так, что Иоанн провел все прежнее время свое в пустыне, чтобы не показалось, будто свидетельство высказывается по дружбе или по какой-либо подобной причине. Но Иоанн, как был научен от Бога, так и возвестил о Нем; поэтому он и

говорит: «и аз не видех Его». Откуда же ты узнал? «Пославый мя, говорит, крестити водою, Той мне рече». Что Он сказал тебе? «Над Него же узриши Духа сходяща, яко голубя, и пребывающа на Нем, Той есть крестяй Духом Святым» (Ин. 1, 32–33). Видишь ли, что Дух Святой снизшел не как в первый раз тогда нисшедший на Него, но чтобы показать проповеданного и наитием Своим, как бы перстом, указал Его всем. По этой причине Он пришел на крещение. Была и другая причина, о которой Он Сам говорит; какая же именно? Когда Иоанн сказал: «Аз требую Тобою креститься, и Ты ли грядеши ко мне?» – то Он отвечал так: «остави ныне, тако бо подобает нам исполнити всяку правду» (Мф. 3, 14–15). Видишь ли кротость раба? Видишь ли смирение Владыки? Что же значит: «исполнити всяку правду»? Правдою называется исполнение всех заповедей, как говорится: «беста праведна оба, ходяще в заповедей Господних беспорочна» (Лк. 1, 6). Так как исполнять эту правду должны были все люди, но никто из них не соблюл, не исполнил ее, то приходит Христос и исполняет эту правду. А какая, скажет кто-нибудь, правда в том, чтобы креститься? Повиновение пророку было правдой. Как Христос обрезался, принес жертву, хранил субботы и соблюдал иудейские праздники, так присоединил и это остальное, повиновался крестившему пророку. Воля Божия была, чтобы тогда все крестились, о чем, послушай, как говорит Иоанн: «Пославый мя крестити водою» (Ин. 1, 33); также и Христос: «мытарию и людие оправдиша Бога, крещесе крещением Иоанновым; фарисее же и законницы совет Божий отвергоша о себе, не крещася от него» (Лк. 7, 29–30). Итак, если повиновение Богу составляет правду, а Бог послал Иоанна, чтобы крестить народ, то Христос со всеми другими заповедями исполнил и эту. Представь себе, что заповеди закона суть двести динариев: это – долг, который род наш должен был уплатить; но мы не уплатили, и нас, подпавших такой вине, объяла смерть. Пришел Христос и, нашедши нас одержимыми ею, уплатил этот долг, исполнил должное и исхитил от нее тех, которые не могли уплатить. Поэтому Он не сказал: «нам должно сделать то и то», но «исполнити всяку правду». «Мне, Владыке имеющему, – говорит Он, надлежит уплатить за неимеющих». Такова причина Его крещения, чтобы видели, что Он исполнил весь закон; и эта причина и та, о которой сказано прежде этой. Поэтому и Дух нисшел в голубя; ибо где – примирение с Богом, там и голубь. Так и в ковчег Ноев голубь принес масличную ветвь – знак человеколюбия Божия и прекращения потопа, и теперь в виде голубя, а не в теле, – это особенно должно заметить, – нисшел Дух, возвещая вселенной милость Божию и вместе показывая, что духовный человек должен быть незлобив, прост и невинен, как и Христос говорит: «Аще не обратитесь, и будете яко дети, не внидете в Царство Небесное» (Мф. 18, 3). Но тот ковчег, по прекращении потопа, остался на земле, а этот ковчег, по прекращении гнева, взят на небо, и ныне это Непорочное и Нетленное Тело находится одесную Отца.

Упомянув о Телѣ Господнем, скажу немного и об этом, и потом окончу речь. Многие ныне приступят к Священной Трапезе по случаю праздника. Но некоторые приступают не с трепетом, а толкаясь, ударяя других, пылая гневом, крича, злословя, перебивая ближних, с великим смятением... Чем, скажи мне, смущаешься ты, человек? Что беспокоит тебя? Необходимые дела, конечно, призывают тебя; в этот час ты особенно сознаешь, что у тебя есть дела, особенно помнишь, что ты находишься на земле, и думаешь, что обращаешься с людьми? Но не каменной ли душе свойственно думать, что в такое время ты стоишь на земле, а не ликуешь с Ангелами, с которыми ты возносишь победную песнь Богу? Для того Христос и назвал нас орлами, сказав: «идеже труп, тамо соберутся орли» (Мф. 24, 28), – чтобы мы восходили на небо, чтобы парили в высоте, возносясь на крыльях духа; а мы, подобно змиям, пресмыкаемся во прахе и едим землю. Быв приглашен на обед, ты, хотя бы и прежде других насытился, не осмеливаешься выходить прежде друзей, когда другие возлежат еще; а здесь, когда еще продолжается священнодействие, ты в самой середине оставляешь всё и выходишь? Достойно ли это прощения? Какое может быть оправдание? Иуда, приобщившись последней вечери в ту последнюю ночь, поспешно вышел, тогда как все прочие возлежали. Вот кому подражают и те, которые выходят прежде последнего благодарения! Если бы он не вышел, то не сделался бы предателем; если бы не оставил соучеников, то не погиб бы; если бы не удалился от стада, то волк не захватил бы его одного и не пожрал бы; если бы он не отделился от Пастыря, то не сделался бы добычей зверя. Поэтому он (Иуда) был с иудеями, а те (апостолы) с Господом вышли, воспевая. Видишь ли, по какому образцу совершается последняя молитва после жертвоприношения? Будем же, возлюбленные, представлять себе это, будем помышлять об этом, страшась предстоящего за то осуждения. Будем приступать к Священной Жертве с великим благочинием, с надлежащим благоговением, чтобы нам заслужить большее благоволение у Бога, очистить свою душу и получить вечные блага, коих да сподобимся все мы благодатию и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу, вместе со Святым Духом, слава, и держава, и поклонение ныне и присно и во веки веков. Аминь.

